

Сам же Кэ Чи решительно оттолкнул Чэн Цзыяня, но теперь, когда тот действительно поступил так, как он хотел, он почувствовал пустоту. Он не мог не презирать себя, но все же остался сидеть на месте, погруженный в свои мысли, прежде чем с трудом подняться и отправиться в ванную, чтобы привести себя в порядок.

Железа на шее сзади заметно опухла, и бледно-красный след стал гораздо более выраженным, похожим на ожог. Даже феромоны, которые теперь едва ощущались, стали горькими, потеряв свою былую сладость и насыщенность.

В торговом центре Чэн Цзыянь купил ему много повседневной одежды, но Кэ Чи, выйдя из ванной, на секунду задумался и все же не стал надевать вещи, оставленные в гардеробе. Вместо этого он достал из своего чемодана старую, выцветшую футболку и натянул ее на себя, слегка потянув воротник, чтобы скрыть опухшую железу на шее.

Когда он вышел, Чэн Цзыянь уже был одет и сидел за столом в гостиной. На столе стояли горячие блюда, аккуратно оформленные, вероятно, заказанные из ближайшего отеля.

Услышав звук открывающейся двери, Чэн Цзыянь отложил телефон, повернулся и взглянул на него. Его взгляд задержался на белой футболке Кэ Чи, но он лишь слегка нахмурился и ничего не сказал, лишь кивнул и произнес обычным тоном:

— Садись, поешь.

— Хорошо, — тихо ответил Кэ Чи, сел на место, которое было заранее отодвинуто для него, и взял уже приготовленные для него столовые приборы.

Он не знал, что должен делать как содержанный любовник, чтобы угодить своему покровителю, а как просто Кэ Чи он вообще ничего не знал о нынешнем Чэн Цзыяне, поэтому просто молча сидел рядом и ел, касаясь только тех блюд, которые стояли перед ним.

Чэн Цзыянь не пытался завязать с ним разговор, заметив его скованность и растерянность, но и не произнес ни слова утешения. Он просто клал еду в его тарелку, но его поведение было холодным, что отличалось от его обычной доброжелательности.

Кэ Чи не возражал, он спокойно ел все, что ему давали, и Чэн Цзыянь, наблюдая за ним, не смог понять, что ему нравится, а что нет.

Десять лет — это слишком много, чтобы и люди, и вещи остались прежними.

Он не знал, что именно произошло с Кэ Чи, не знал, почему тот, кто когда-то с ясной улыбкой говорил, что хочет стать учителем в сельской местности, теперь развлекал и пил с Альфами в баре «Цзуйсэ», не знал, почему на его шее остался шрам, который мог появиться только после операции, не знал, почему Кэ Чи помнит и тоскует по прошлому, но все же продолжает отталкивать его таким болезненным для обоих способом...

Он уехал слишком поспешно, и в юности был слишком неопытен, поэтому он ничего не знал о десяти годах, которые Кэ Чи прожил без него. У него не было даже точки опоры, чтобы начать разговор, они были как знакомые незнакомцы.

Звонок телефона, раздавшийся в тишине, был резким и неприятным. Чэн Цзыянь очнулся — это звонила мама.

Только сейчас он понял, что уже почти одиннадцать.

Чэн Цзыянь взял трубку, встал и подошел к окну, искренне отмахнулся от нескольких фраз, с улыбкой перебил мамины упреки о том, что он «вечно пропадает где-то» и «лучше бы вообще не возвращался», и, быстро согласившись, закончил разговор.

Он положил телефон в карман, вернулся к столу и посмотрел на Кэ Чи, который мягко поднял на него глаза. Еще до того, как он успел показать свое замешательство, он услышал, как Кэ Чи, внимательно наблюдая за ним, произнес:

— Тогда вы идите, а если что-то понадобится, я всегда здесь.

Чэн Цзыянь нахмурился, пальцы у его брюк слегка сжались, и он посмотрел на него несколько секунд, прежде чем едва слышно вздохнуть:

— Завтра я принесу тебе завтрак. Отдохни.

Он взял пиджак, висевший на спинке стула, сделал несколько шагов к двери, но затем вспомнил о чем-то, быстро вернулся к Кэ Чи и накинул пиджак на его плечи, пальцы коснулись кожи на его шее, которая уже успела остыть:

— Уже осень.

Кэ Чи еще не успел опомниться, как Чэн Цзыянь уже вышел в прихожую, переобулся и поспешно ушел.

Он смотрел на дверь, на мгновение застыв, и в его сухих глазах снова появилась влага. Он поспешно закрыл их, чтобы сдержать слезы, и уткнулся лицом в пиджак, который защитил его от осеннего холода.

На пиджаке все еще витал устойчивый и приятный аромат эбенового дерева, исходящий от Альфы.

Последствия чрезмерного использования феромонов проявились мгновенно. Кэ Чи почти сразу почувствовал, как на его шее разгорается невыносимая боль, а легкий запах эбенового дерева на пиджаке был как яд, который только усиливал огонь, горевший в его крови.

Он сжал зубы, снял пиджак, который все еще сохранял тепло тела Альфы, аккуратно сложил его и положил на диван, уйдя из зоны, где чувствовались феромоны.

Их феромоны были слишком несовместимы, поэтому феромоны Чэн Цзыяня не только не успокоили его боль, но и усилили реакцию отторжения его и без того ослабленной железой.

Жгучая боль на шее снова напомнила Кэ Чи, что, с какой стороны ни посмотри, они не должны были иметь никаких связей.

Осенняя ночь была наполнена холодом, который проникал в самое сердце.

Чэн Цзыянь вернулся домой почти в полночь. В гостиной еще горел свет, и его мама, которая обычно не ждала его, сидела на диване, а по телевизору шла мелодраматическая история об Альфах и Омегах.

— Мама?

Чэн Цзыянь удивленно произнес это, закрыл дверь и, переобуваясь, с некоторым замешательством направился в гостиную.

— Вернулась.

Чжао Юйшу вытерла влажные уголки глаз салфеткой, бросила на него взгляд и выключила телевизор, но ее мысли все еще были в сериале, и она не удержалась, чтобы не прокомментировать:

— Вот этот Альфа — настоящий негодяй, воспользовался слабостью Омеги, а потом просто откупился деньгами, говоря, что это справедливая сделка. Ужас.

Чэн Цзыянь удивленно поднял брови.

Он быстро понял, что она говорит о сюжете, и с легкой усмешкой сел на диван слева, но почему-то почувствовал себя немного виноватым:

— Мама, почему ты еще не спишь? Уже так поздно, а ты обычно ложишься рано.

— Да, уже так поздно, а ты только вернулся.

Чжао Юйшу бросила скомканную салфетку в мусорное ведро и посмотрела на него:

— Ты вообще чем занят в последнее время? Не приходишь домой ужинать, даже не предупреждаешь, вообще не видно.

— Я недавно устроился на работу, — Чэн Цзыянь вздохнул, немного помолчал и продолжил. — Мне выделили квартиру рядом с офисом, я сегодня зашел посмотреть, скоро, наверное, перееду туда.

— Не будешь жить дома?

Чжао Юйшу нахмурилась, подозрительно посмотрела на него:

— Ты не... нашел себе девушку или парня и теперь хочешь жить с ним, скрывая это от меня?

— Нет, что ты.

Чэн Цзыянь засмеялся, но, вспомнив о человеке, живущем в той квартире, почувствовал сложные эмоции и не смог прямо сказать «У меня никого нет», поэтому постарался отделаться общими фразами:

— Да я еще даже не решил, когда перееду, потом расскажу. А ты сама недавно говорила, что я дома только мешаю.

— Маленький неблагодарный.

Чжао Юйшу сердито посмотрела на него, но его слова сработали:

— Только недавно вернулся из-за границы, а уже хочешь из дома сбежать?

— Да я невиновен.

Чэн Цзыянь с улыбкой произнес несколько приятных слов, чтобы немного успокоить маму, и она наконец встала и пошла спать.

На следующий день был понедельник, и Чэн Цзыянь действительно собирался на работу, но он

встал раньше обычного, и Чжао Юйшу еще спала, когда он уже уехал на машине, хотя его целью была квартира, выделенная компанией.

Район был тихим и безопасным, но здесь не было уличных ларьков с завтраками, что делало его менее живым. Чэн Цзыянь не знал, что предпочитает Кэ Чи, поэтому, припарковав машину, купил в магазине внизу горячее молоко и сэндвич.

На стене висели часы, показывающие всего лишь половину восьмого. В гостиной никого не было, дверь в гостевую спальню была закрыта, и, вероятно, Кэ Чи еще спал.

<http://bllate.org/book/16759/1562968>